

Научная статья  
УДК 338.22.01 (338.22.021.2)  
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-166-181

## МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: НАКОПИТЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

*Олег Сергеевич Сухарев*

*Институт экономики РАН, Москва, Россия*  
*o\_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID РИНЦ: 446204,*  
*AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018*

**Аннотация.** *Макроэкономическая политика как система воздействий на экономику демонстрирует накопительный эффект, который выражается в потере чувствительности цели к инструментам политики (негативный), либо в увеличении этой чувствительности (позитивный). Тем самым применение повторяющихся многократно методов политики может не влиять на изменение целей развития. Сила и повторяемость применения инструмента имеет принципиальное значение и не учитывается классической экономической теорией.*

**Цель исследования** — сформировать представления об отрицательном накопительном эффекте макроэкономической политики, расширив принципы «цели-инструменты» и «эффективной рыночной классификации» на базе авторской доктрины «распределённого управления», позволяющей дифференцировать инструменты политики и учесть накопительный эффект, как ситуацию, когда чувствительность целей развития к инструментам может снижаться (увеличиваться).

**Методология исследования** — построена на классической теории экономической политики Тинбергена-Манделла, эмпирическом и структурном анализе.

**Общий результат** проведенного исследования сводится к демонстрации накопительного эффекта макроэкономической политики, обнаруживаемого для российской экономики на уровне общей политики роста и по целям структурного развития. Повышение чувствительности целей развития к методам политики видится в области нескольких вариантов решений: замены применяемых инструментов отдельно и в совокупности — смена парадигмы политики, а также повышение силы и действенности применяемого инструмента. В частности, помимо использования созданного и отложенного дохода, требуется учесть ресурсы, сконцентрированные в секторах экономики, которые могут быть использованы для новой модели роста при соответствующей структурной политике.

**Ключевые слова:** *теория экономической политики, принцип «цели-инструменты», накопительный эффект экономической политики, структурный анализ, экономический рост, уровень технологичности, распределение ресурсов*

**Для цитирования:** *Сухарев О. С. Макроэкономическая политика: накопительный эффект и его преодоление // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 166–181. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-166-181>.*

**Благодарности:** *статья подготовлена в рамках темы государственного задания «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ус-*

кореня экономического роста в Российской Федерации» Институту экономики РАН, Центру институтов социально-экономического развития.

Original article

## MACROECONOMIC POLICY: CUMULATIVE EFFECT AND ITS OVERCOMING

*Oleg S. Sukharev*

*Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia  
o\_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID RSCI: 446204,  
AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018*

**Abstract.** *Macroeconomic policy as a system of impacts on the economy demonstrates a cumulative effect, which is expressed in the loss of sensitivity of the target to policy instruments (negative), or in an increase in this sensitivity (positive). Thus, the application of repeated policy methods may not affect the change in development goals. The strength and repeatability of the application of the tool is of fundamental importance and is not taken into account by classical economic theory.*

**The purpose** of the study is to form ideas about the negative cumulative effect of macroeconomic policy by expanding the principles of «goals-instruments» and «effective market classification» on the basis of the author's doctrine of «distributed control», which makes it possible to differentiate policy instruments and take into account the cumulative effect, as a situation where the sensitivity of development goals to tools may decrease (increase).

**The research methodology** is based on the classical theory of economic policy of Tinbergen-Mandell, empirical and structural analysis.

**The overall result** of the study is reduced to demonstrating the cumulative effect of macroeconomic policy, which is found for the Russian economy at the level of the general growth policy and the goals of structural development. Increasing the sensitivity of development goals to policy methods is seen in the area of several solutions: replacing the applied instruments separately and in combination — changing the policy paradigm, as well as increasing the strength and effectiveness of the applied instrument. In particular, in addition to the use of created and deferred income, it is required to take into account the resources concentrated in sectors of the economy that can be used for a new growth model with appropriate structural policies.

**Keywords:** *theory of economic policy, principle of «goals-instruments», cumulative effect of economic policy, structural analysis, economic growth, level of manufacturability, distribution of resources*

**For citation:** *Sukharev O. S. Macroeconomic Policy: Cumulative Effect and Its Overcoming // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 166–181. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-166-181>.*

**Acknowledgments:** *the article was prepared within the framework of the state task «Formation of a scientific and technological contour and an institutional model for accelerating economic growth in the Russian Federation» to the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, the Center for Institutes of Social and Economic Development.*

**Введение.** Макроэкономическая политика преследует набор целей, но основополагающими являются увеличение валового продукта и занятости, то есть организация устойчивого (продолжительного) экономического роста [1; 3; 5; 12], и снижение инфляции. Современная теория экономической политики [5–7; 10; 16; 19] рассматривает, как правило, два наиболее значимых инструмента для достижения указанных целей — монетарную и фискальную политику. Конечно, в связи с действием различных факторов в экономике возникают рецессии и депрессии, требующие политики противодействия. Собственно, пока экономика растёт, уже закладываются условия будущего кризиса, который, по идее, инструменты макроэкономической политики должны элиминировать, предупреждать, а при возникновении — смягчать.

Это также может рассматриваться как цель макроэкономической политики, равнозначная цели обеспечения экономического роста. Если под рецессией понимается снижение базовых целевых индикаторов развития на протяжении двух кварталов подряд, либо отрицательные величины по приросту ВВП по итогам года, то депрессия с позиций современного экономического знания как понятие претерпевает трансформацию, хотя и вызывающую пока только полемику<sup>1</sup>.

В частности, Пол Кругман в своей работе «Депрессии — это нечто иное» [4, с. 26–27] определяет депрессию в функциональном смысле<sup>2</sup>, а именно — как развитие экономики ниже своих возможностей (потенциала), причём довольно длительное. Если следовать данному представлению о депрессии, то российская экономика за последние тридцать лет никогда из неё и не выходила. Кстати, данное определение депрессии не отрицает наличие какого-то экономического роста, некоего темпа прироста ВВП страны. Оно весьма сложное, поскольку довольно трудно точно определить возможности и потенциал и через призму текущей оценки развития определить

глубину такого депрессивного функционирования. В общем можно признать данное определение весьма парадоксальным. Тем не менее оно в рамках теории экономической политики полезно в том смысле, что ставит добавочные цели в области экономического развития с решением проблемы и его измерения [18]. Кроме этого, фактически утверждается слабость стереотипных инструментов макроэкономической политики — монетарной и фискальной — в решении задачи обеспечения полной занятости (равновесные представления о макроэкономической динамике). Стандартные рецессии, подвергнутые эффекту аккумуляции, могут превращаться в депрессии, но и без них экономика вполне может развиваться ниже своих потенциальных возможностей.

Конвергентные кризисы по отдельным направлениям экономической деятельности, например, провал рынка недвижимости и строительства либо финансового рынка способны приводить экономику в целом к такому функционированию, что стандартные инструменты — процентная ставка — оказываются бессильны в изменении ситуации, как и наращение денежной массы. Таким образом, макроэкономическая политика становится как бы бессильной — инструменты применяются, как и применялись, но движению к цели они не способствуют. Иными словами, цель оказывается не чувствительной к воздействию данного инструмента политики или набору инструментов. Подобные исходы приводят часто к необходимости заменить проводимую политику, подобрать иные способы влияния и даже заставляют экономистов менять теоретические взгляды, трансформируя некогда базисные научные положения. Если продолжать применение стандартных, устоявшихся инструментов, например, стремиться свести бюджет к профициту либо таргетировать инфляцию на очень низких значениях, то это может углубить и текущую рецессию, и обеспечить депрессию в смысле

1 В ряде стран рецессия определяется по спаду в течение двух кварталов либо решением некоей комиссии при снижении целевых индикаторов. Однако по депрессии точный критерий в принципе отсутствует, что и позволяет исследователям весьма свободно трактовать это понятие. Однако, на сегодня ясно одно: длительный спад, растягивающийся на 2 и более лет, конечно, может быть признан уже депрессией, в зависимости от глубины падения и длительности восстановительного периода для конкретной экономики.

2 Такой подход очень близок автору, который на протяжении уже почти четверти века развивает теорию дисфункции институтов и управления, рассматривая кризисные явления посредством структурно-функциональных изменений.

определения П. Кругмана [4]. Причина современных экономических кризисов — в институциональной организации рынков капитала, когда суммарные обязательства игроков многократно превышают реальную и даже рыночную стоимость активов [9]. Именно такой разрыв делает монетарную политику низкоэффективной в преодолении рецессии. Институциональная деформация сказывается на применимости инструментов макроэкономической политики, часто понижая непредсказуемым образом их результативность. Поскольку стандартные инструменты применяются перманентно, то возможно явление потери силы их влияния, когда целевые параметры экономики уже не изменяются, так как стали не чувствительны к воздействию, либо это изменение довольно слабое, не позволяющее достичь целевых ориентиров развития. Данное явление обозначим как накопительный эффект (отрицательный<sup>3</sup>) макроэкономической политики [2; 11], проявляемый по каждому инструменту политики и цели, например, инвестиционной или монетарной политики [2].

Именно это обстоятельство рушит многие прогнозы и прогнозны модели [1]. Различные их виды (от экстраполяционных до сценарных) оказываются слабыми, поскольку не включают изменчивость инструментов, их связность и влияние на целевые параметры, которые и являются объектом прогнозирования. Иными словами, требуются не просто динамические сценарии, а такой подход, который в модели включал бы изменяющиеся решения — инструменты проводимой политики<sup>4</sup>.

Сказанное позволяет сформулировать **основную цель настоящего исследования** как формирование представления о накопительном эффекте политики в рамках теории экономической политики, чтобы использовать затем данное представление в макроэкономическом анализе, изменяя инструменты влияния на экономическое развитие. Такой подход позволит преодолеть стереотипы в области проведения макроэкономической

политики стандартными способами, обосновать их изменения в требуемом направлении. Данная задача рассматривается на двух уровнях — теоретическом и иллюстрационно-эмпирическом на данных по российской экономике. Методологию для её решения составляют теория экономической политики и авторская доктрина «распределённого управления», эмпирический анализ. Последовательное продвижение к цели позволит скорректировать принцип «цели-инструменты» Тинбергена и его расширение в виде «эффективной рыночной классификации» Манделла [6; 19], не учитывающие изменения силы инструментов, представляющие их в этом смысле статически.

**1. Теория экономической политики: «накопительный эффект» и доктрина «распределённого управления».** Классическая теория экономической политики [5–7; 9; 12; 19] исходит из наличия у правительства набора инструментов — монетарной и фискальной (бюджетно-налоговой) политики. В качестве целей рассматривается движение экономики к равновесию, в том числе платёжного баланса [6]. Принимается, что инструменты (виды политики) могут применяться независимо друг от друга для достижения цели, причём влияние инструментов разводится, то есть одна политика ориентируется на достижение внутреннего, другая — внешнего равновесия экономики [6]. Задача обычно сводится к поиску такого сочетания инструментов, чтобы приблизиться к поставленным внутренним и внешним целям развития. Может проводиться политика дешёвых или дорогих денег либо умеренные варианты каждого вида. При этом могут повышаться или понижаться налоги, увеличиваться или сокращаться государственные расходы, то есть проводиться бюджетная экспансия или рестрикция.

Таким образом, по большому счёту, сочетания этих инструментов вполне конечны, но вот подбор, применение, и главное результативность влияния могут оказаться

<sup>3</sup> Возможна ситуация, когда чувствительность цели развития увеличивается к применяемому инструменту политики, тогда можно говорить о положительно накопительном эффекте. Имеется в виду, что инструмент применяется в постоянном режиме.

<sup>4</sup> Пока такая задача экономической наукой не решена.



весьма различными. Конечно, важное обстоятельство применения инструментов политики — лаги влияния. У процентной ставки они явно меньше по времени, для налоговых изменений — значительно больше. Однако, современной теории весьма затруднительно развести влияние рассматриваемых инструментов политики, даже привязывая каждый априорно к соответствующей цели. Связка самих целей, а также инструментов, и тем более, факторов развития с инструментами не учитывается. Более того, не принимается во внимание, что влияние каждого инструмента распределяется как по своеобразному портфелю — по объектам экономики, сила его разная как по объектам, так изменяется с течением времени [10]. Это зависит от самого инструмента, его применения правительством, которое регулирует силу, а также от связки с иными инструментами, факторами влияния.

В итоге стереотипный подход закрепил, что политика дорогих кредитов применяется для сдерживания инфляции, как и увеличение бюджетного профицита, а монетарная экспансия применяется для противодействия рецессии и внешнему профициту, выражая принцип «эффективной рыночной классификации», утверждающий, что инструменты политики должны соответствовать цели, для достижения которой они наиболее адекватны [6]. Однако, это соответствие изменяется с течением развития экономики, а определение, какой инструмент пригоден для какой цели, имеет объективные трудности. Данные обстоятельства нельзя не учитывать, поскольку они изменяют внутреннее содержание принципа. Например, процентная ставка, которая на каком-то этапе времени может менее влиять на внутреннее развитие, нежели на внешнее (платёжный баланс), но на другом и более положительном периоде её такое значение может измениться на противоположное. Это потребует смены области применения инструмента. Ответственные за макроэкономическую политику могут не увидеть данного изменения, как и сразу присутствия влияния инструмента на обе цели. Принцип Тинбергена постулирует [19], что число инструментов должно быть не меньше числа целей, причём принцип «эффективной классификации» вторит этому положению. В то время

как на практике инструменты имеют распределённое влияние по экономике в целом [10], не учитывать которое при анализе макроэкономической политики невозможно, если имеется аналитическая необходимость в получении как можно более точных оценок для проведения наиболее эффективной политики. Конечно, принцип Тинбергена не учитывает состояние инструментов и, по сути, является формулировкой, полученной по математической записи связи целей и инструментов, чтобы записанные уравнения имели решение. Однако, то, как связаны инструменты друг с другом, с какой силой влияют на цели, не принимает во внимание и принцип «цели-инструменты», и принцип «эффективной классификации», привязывающий априорно инструмент к конкретной цели. Если это и добавление к принципу Тинбергена, как утверждал Манделл [6], то весьма условное.

Во-первых, меньшим числом инструментов на практике можно добиться продвижения по большему числу целей.

Во-вторых, наличие конфликта целей и инструментов, когда, например, удаётся снизить инфляцию, но при этом свёртывается и экономический рост, может говорить как о прямой, например, связи между целями, так и о применении инструментов, имеющих на одну цель прямое влияние, а на другую цель обратное, не позволяющее её достичь. Тем самым допущение о независимости инструментов рушится, как и модельная формулировка цели, сводимая к достижению разных видов равновесия. В неравновесных условиях связи инструментов, целей и присутствующих факторов развития, которыми абсолютно пренебрегают при формулировке указанных двух принципов, имеют совсем иное и подлинное значение.

Таким образом, на наш взгляд, следует применять принцип «распределённого управления», рассматривающий связность целей, инструментов друг с другом и с выделяемыми факторами развития, притом определяющий изменяемую с течением времени силу инструментов, влияние которых распределяется по всем объектам экономики, целям. Этот принцип в виде доктрины распределённого управления обозначен подробно в ряде работ автора, как и представление о накопительном эффекте политики, при котором

инструменты теряют свою силу к цели или цель становится менее или совсем не чувствительна к применяемому инструменту [10]. Это существенно расширяет и модифицирует принцип Тинбергена и «эффективной рыночной классификации». Учитывая, что имеются инструменты макроэкономической политики с изменяющимся во времени своим влиянием на объекты и цели экономики, становится возможным не точно таким же, а и меньшим числом инструментов достичь цели. Важно, не просто распределить инструменты, а подобрать их по адекватному влиянию, которое обеспечило бы продвижение в достижении поставленных целей. Это требует на порядок лучшего аналитического понимания связности целей, инструментов политики и факторов развития, как и исходного состояния экономической системы. Часто данными обстоятельствами пренебрегают. Если оперировать модельным уровнем, в частности моделью Манделла-Флеминга, которая строится в рамках весьма условных допущений, то уже в её рамках легко обнаруживается наличие накопительного эффекта (отрицательного и положительного<sup>5</sup>) для инструментов

макроэкономической политики — монетарных и фискальных (см. таблицу 1).

Как известно, в модели Манделла-Флеминга монетарная политика результативна при плавающем валютном курсе, а бюджетная политика — при фиксированном валютном курсе. Следовательно, в этих ситуациях возникает положительный накопительный эффект, так как целевой параметр в виде роста ВВП достигается за счёт применения стандартного инструмента конкретного вида политики. В иных случаях (таблица 1) возникает отрицательный эффект инструмента политики, так как ВВП не увеличивается согласно модели Манделла-Флеминга при соответствующем валютном курсе.

Однако, построение модели таково, что она, как подавляющее число неоклассических и других макроэкономических моделей, сильно упрощает реальность, иногда до неправдоподобия или неучёта важнейших вариантов динамики, в частности рассматривается равновесие классических кривых IS-LM и платёжного баланса (при плавающем курсе). Так, при росте денежного предложения закономерным выглядит снижение процентной

Таблица 1  
Table 1

**Виды накопительного эффекта в привязке к модели Манделла-Флеминга<sup>6</sup>**  
**Types of cumulative effect in relation to the Mundell-Fleming model**

Обменный курс	Вид политики	
	Монетарная	Бюджетная
Плавающий	Положительный	Отрицательный
Фиксированный	Отрицательный	Положительный

<sup>5</sup> Отрицательный накопительный эффект — потеря или снижение чувствительности цели политики к инструменту политики, то есть инструмент перманентно действует и применяется, а ощутимого движения к установленной цели не происходит на установленном интервале времени. Положительный накопительный эффект — применение инструмента политики увеличивает чувствительность цели к нему и обеспечивает к ней обычно ускоренное продвижение на рассматриваемом интервале времени. Теоретически возможен вариант и со сверхчувствительностью, что может обернуться положительным и отрицательным исходом. Пример, когда не действуют инструменты монетарной политики, представляет собой ликвидная ловушка Дж.М. Кейнса, то есть ситуация очень низких по величине процентных ставок, так что дальнейшее снижение не влияет уже ни на что. Денежная политика в России не смогла запустить устойчивый экономический рост на протяжении более чем 10 лет, что может трактоваться как отрицательный накопительный эффект политики. Инструменты инвестиционной политики, а также усилия по изменению структуры российской экономики также оказались тщетны, несмотря на применяемые инструменты. Следовательно, цели к ним обнаруживали слабую чувствительность. Это будет эмпирически проиллюстрировано в следующем параграфе. Тем самым сила инструмента, длительность применения и возникающие при этом реакции важны для определения накопительного эффекта политики. «Распределённое управление» и накопительный эффект не принимаются во внимание в классической теории экономической политики. Тем самым предлагаемые и разрабатываемые автором позиции развивают в этом ключе данную экономическую теорию.

<sup>6</sup> Источник: составлено автором.

ставки и дальнейший отток капитала, вызывающий девальвацию национальной валюты. Однако вытекающий из девальвации рост чистого экспорта повышает совокупный спрос, влияя на объём производства, что способствует увеличению процентной ставки. Общий итог денежной экспансии — увеличение продукта. Если при плавающем курсе возрастут государственные расходы либо снизятся налоги, то рост процентной ставки приведёт к притоку капитала в страну, национальная валюта укрепится, экспорт снизится, влияя в этом же направлении на величину ВВП [6–7].

Приведенное хрестоматийное объяснение нуждается во многих замечаниях, наиболее значимые из которых приведём ниже.

Во-первых, важно то, каков уровень исходной монетизации экономики страны. Если он очень низкий либо, наоборот, крайне высокий, то увеличение денежного предложения может оказаться таким, что либо сильно повлияет на процентную ставку (если монетизация низкая), либо значимо вообще не повлияет. В последнем случае вся цепочка рассуждений нарушается. Однако, и снижение процентной ставки может не сопровождаться оттоком капитала, таким, чтобы это сильно девальвировало национальную валюту и увеличило экспорт. Кстати, чувствительность экспорта к девальвации и зависимость от иных факторов также важна, что не учитывает модель Манделла-Флеминга. Например, в России процентная ставка всегда (два десятилетия) была относительно (среднемировой и западных стран) высока, но это не удерживало капитал внутри страны, величина оттока была в среднем высокой, в отдельные годы — сверхвысокой. При этом девальвация происходила только в годы кризиса и оставалась подъяемом процентной ставки на значительную величину в 2–3 раза за сутки, которая затем понижалась очень медленно, тем самым блокируя инвестиции и развитие производства. Рост же экспорта и положительный чистый экспорт не определяли увеличение динамики ВВП.

Во-вторых, рост процентной ставки в России не приводил к значимому росту капитала в страну также за период 2000–2020 гг. Это подтверждается статистикой по ревальвации валюты. К тому же согласно модели Манделла-Флеминга фискальная политика может

выражаться в росте государственных расходов или снижении налогов, но механизмы и лаги влияния разные. Налоговые изменения — крайне сложные, и оценка их влияния не может быть однозначной, так как зависима от многих обстоятельств снижения налоговых ставок. Аналогичный анализ можно провести, когда валютный курс фиксированный. Также многие соотношения могут не наблюдаться на эмпирическом материале, так как влияют многие условия и факторы, которые исключены из рассмотрения изначально. Вместе с тем сам подход к тому, чтобы выяснять, когда инструменты проявляют силу, когда слабость, неявно, но заложен в модели — в привязке к условию режима валютного курса. При смене режима сила инструментов будет также меняться даже в рамках такой несовершенной модели. На практике она оказывается не такой даже при рассматриваемых режимах обменного курса, так как включаются многие иные факторы и связи, которые обозначены выше.

Уже этих двух позиций достаточно для того, чтобы усомниться в допущениях модели и вытекающей из неё оценке результативности монетарного и фискального инструментов макроэкономической политики. Тем не менее это не отменяет авторской позиции по роли накопительного эффекта и необходимости включать во внимание распределённое управление, пытаясь выявить то, как именно инструменты влияют на развитие различных секторов экономики.

При плавающем валютном курсе бюджетная политика слабо влияет на ВВП, а при фиксированном курсе похожую слабость показывает монетарная политика (следует из модели Манделла-Флеминга [7]). Накопительный эффект возникает при условии, что правительство применяет инструмент перманентно или многократно, причём возможен вариант, когда он начинает оказывать положительное действие, но затем оно исчерпывается и увеличивается нечувствительность данной цели к применяемому инструменту. С позиции авторской доктрины «распределённого управления» следует искать иную комбинацию инструментов — изменять подход в области макроэкономической политики. Если этого не происходит по идеологическим или иным причинам, то общий результат будет скорее отрицательным, демонстрируя

наличие соответствующего накопительного эффекта. Если чувствительность цели к инструменту не изменяется, можно говорить о нейтральности накопительного эффекта. При постановке цели экономического роста с одновременной целью снижения инфляции положительный накопительный эффект будет тем выше, чем выше отношение темпа роста ВВП к инфляции (при положительных величинах, когда имеется рост и отсутствует дефляция). Значение имеют лаги в применении инструмента, передаче воздействия на цель, а также изменении самой цели, которая может изменяться, например, с течением какого-то времени после осуществления воздействий — аналог применения лекарства при некоторых болезнях, когда облегчение и выздоровление наступают не сразу.

Если монетарную или бюджетную политику проводят с целью ускорить рост, но цель не достигается, а, наоборот, экономика движется от одной рецессии к другой (даже вызываемых иными причинами, не политикой), то можно говорить о снижении чувствительности целей к применяемым инструментам. Иные воздействия оказываются сильнее, а политика не может им противостоять.

В случае, когда влияют на одну из целей — снижают инфляцию, но при этом увеличения темпа роста не происходит либо темп понижается, тогда налицо разная чувствительность целей к применяемым инструментам. Это своеобразный конфликт целей, который не находит отражения в классической теории экономической политики, в связи с чем и требуется включить в неё доктрину «распределённого управления» и накопительный эффект.

Далее рассмотрим некоторый эмпирический материал по России, обнажающий наличие накопительного отрицательного эффекта в области общей макроэкономической, а также структурной политики и технологического развития, дадим подходы к тому, чтобы данный эффект элиминировать по названным целям политики.

**2. Современная макроэкономическая политика в России: отрицательный накопительный эффект и его элиминирование.** Проводимая макроэкономическая политика в России сегодня должна быть обусловле-

на введением фронтальных санкций, ограничивающих развитие страны. Она должна противостоять дестабилизации финансового рынка и банковской системы, валютного курса, элиминировать трудности функционирования различных секторов экономики под воздействием институциональных ограничений, а также вводить новые институциональные условия с тем, чтобы обеспечить как минимум снижение спада ВВП, как максимум — рост валового продукта страны. При этом нужно учитывать, как будут сказываться меры политики в новых условиях, если они тормозили развитие до всяких санкций, повторяясь многократно в виде монетарной и бюджетно-налоговой политики [3; 11].

Указанное обстоятельство говорит о наличии накопительного эффекта макроэкономической политики, если главная цель — рост ВВП желательным темпом — не достигается при использовании повторяющихся мер политики.

На рисунке 1 представлена структура вклада компонент ВВП в темп роста за период 2003 до 2022 года. Можно выделить два значимых этапа в экономическом росте. Первый — до 2008–2011 года, за исключением 2009-го, когда средний темп роста российской экономики превышал среднеевропейский темп роста и был вполне сопоставим с ростом китайской экономики. Второй период — начиная с 2013 года и вплоть до 2022 года, когда темп роста крайне низкий, причём вхождение в рецессии началось примерно с 2013 года. На всем интервале модель роста была потребительской, за исключением 2010–2011 годов, когда инвестиционные расходы давали основной вклад в темп роста.

Важно отметить, что в кризисные годы — 2009-й, 2014–2016-й, 2020-й — снижению динамики противостоял чистый экспорт, в то время как в первые два квартала 2022 года он также внёс отрицательный вклад в экономическую динамику по причине ограничивающих экспорт и импорт санкций. Однако по итогам 2022 года этот вклад, скорее всего, будет положительным, так как высокая цена на углеводороды и неэластичная кривая спроса на них обеспечили российским экспортёрам высокий доход и прибыль от поставок товара на рынок, и ограничения объёма положительно влияли на такой результат.



Стоит отметить по рисунку 1, что бюджетный механизм стимулирования экономического роста в России был крайне слабым на всем периоде. Его сила возросла в 2017, 2019–2020 годы (а также была аналогичной до 2008 года и в 2011–2012 годы), но возврат к умеренно-рестриктивной политике в монетарной сфере сказывался и на бюджетном проектировании, в связи с чем уже в 2021 году наблюдается опять ужесточение монетарной политики. Бюджетный механизм во влиянии на рост ослабевает. По существу, это и составляет проявление отрицательного накопительного эффекта политики<sup>7</sup>, когда меры политики сдерживают движение к цели — чувствительность цели к ним снижается.

Если к этому добавляются внешние воздействия в виде ограничивающих цель развития санкций, то это способно увеличить отрицательный накопительный эффект поли-

тики. Собственно говоря, санкции и вводятся для нанесения ущерба и обесценивания применяемых мер внутренней макроэкономической политики. Но и без них отрицательный накопительный эффект явно присутствовал, что видно по развитию 2012–2014 годов (рисунок 1). Кстати, в период 2000–2008 годов можно сказать, что темп роста был довольно высокий, а инфляция понижалась, причём монетизация экономики возрастала, а динамика цен на мировом рынке углеводородов была повышательной, как и на продовольствие, что создавало общие условия для роста экономики с возрастающей сырьевой ориентацией и такой же прогрессирующей импортной зависимостью.

Однако при этом не изменялась структура экономики. Более того, на указанном периоде роста сформировалась модель структурной деградации, но на определённое время был

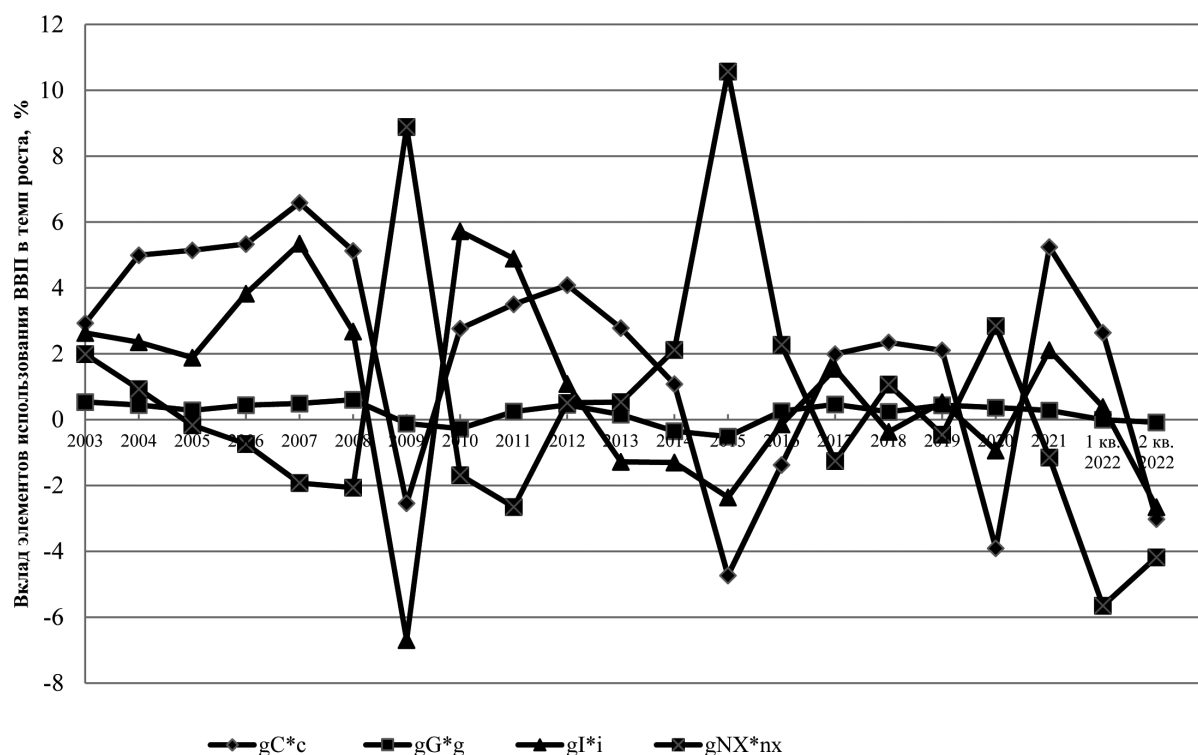


Рис. 1. Вклад компонент ВВП в его рост, 2003–2022 гг.<sup>8</sup>  
 Fig. 1. Contribution of GDP components to its growth, 2003–2022

<sup>7</sup> Публичные выступления академика С.Ю. Глазьева в 2022 году подтверждают, что при соответствующей политике Россия могла в принципе избежать спада на 2,7% ВВП в 2022 году, который оценивается сейчас как наиболее вероятный статистическими центрами при правительстве РФ. Следовательно, возврат к прежним процедурам и методам организации макроэкономической политики отражает отрицательный накопительный эффект по достижению главной цели — роста ВВП.

<sup>8</sup> Источник: расчет автора по данным Росстата. URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#).

обеспечен рост этой неэффективной в стратегическом измерении структуры хозяйства. Затем он закономерно сменился стагнацией и повторяющимися рецессиями со слабым ускорением роста ВВП и актуализацией задачи смены модели роста.

Применяемые мероприятия политики — макроэкономической и промышленной — не позволили изменить эту хозяйственную структуру. Инструменты по-разному влияли на элементы структуры, представимой в виде технологических укладов или секторов экономики [3; 11]. Однако распределённое влияние никак не учитывалось [10] при изменении проводимой политики, как и чувствительность цели к инструментам, в качестве которых можно рассматривать: процентные ставки, денежную массу, бюджетные расходы, фонд национального благосостояния, ресурсы банков, валютный курс, резервы, государственный долг, смену институциональных условий по каждому сектору экономики отдельно и т.д. Эти инструменты применялись в общем плане, а иные не были задействованы как ресурс на развитие (ФНБ,

валютные резервы, ресурсы банковского сектора, государственный долг). Вместе с тем они указывались как имеющийся ресурс, способный быть вовлечённым в экономическое развитие для достижения цели новой модели роста. Отметим, что это вряд ли даст осязаемый результат, поскольку перечисленные ресурсы — это уже созданный и ранее выведенный из экономики доход, который согласно таким предложениям пытаются наконец задействовать, то есть как-то использовать для цели развития — роста ВВП. Однако новая модель роста — это не просто повышение динамики ВВП, а изменение качества этой динамики, чего без структурного перемещения ресурсов между секторами достичь невозможно. Следовательно, перечисленные выше макроэкономические меры, не принимающие во внимание чувствительность главной цели и элементов структуры к данным мерам, окажутся паллиативами, способными лишь на некий период подтолкнуть экономику до следующей рецессии, не более того.

Рисунок 2 отражает структуру технологически укладов в России, которая сформирова-



**Рис. 2.** Рентабельность, риск и инвестиции в технологических укладах экономики России (общая схема), 2011–2019 гг.<sup>9</sup>

**Fig. 2.** Profitability, risk and investment in the technological structures of the Russian economy (general scheme), 2011–2019

<sup>9</sup> Источник: составлено автором на основе предыдущих исследований (см.: Сухарев О.С. «Ковидный» кризис, экономический рост и политика развития новых технологических укладов (часть 2). Инвестиции в России, 2021. №6. С. 10).

лась и не меняется на протяжении многих лет, показывая доминирование 1–3-го агрегированного уклада при скромных позициях 4-го уклада и довольно сжатом 5-м укладе (не более 12–14% валовой добавленной стоимости, создаваемой в России). Обратим внимание, что рентабельность 5-го уклада высока, относительно 4-го, сопоставима с 1–3-м агрегированном укладом, но риск много меньше, чем в 1–3-м и 4-м укладе. Инвестиции в 5-й уклад значительно меньше, чем в 1–3-й и даже в 4-й укладе, который более рискован и менее рентабелен. Этот феномен интересен не только тем, что может оказаться зависим от того, как выделены уклады (для российской экономики причина не в этом), а в том, каково состояние и масштаб видов деятельности, слагающих уклад, а также мотивы и возможности инвестирования. Именно учёт подобных структурных свойств и соотношений требуется принимать во внимание, формируя меры макроэкономической и структурно-промышленной (отраслевой) политики, и именно этот вопрос уходит из поля внимания современных планировщиков и проводников макроэкономической политики.

Изменяя процентную ставку или денежную массу, влияя на валютный курс и распределяя ресурсы ФНБ, бюджетные расходы или мотивируя вкладывать банки, требуется выявлять причины сформировавшейся структуры и возможные реакции видов деятельности, слагающих каждый уклад на изменения макроэкономических инструментальных параметров. Когда пренебрегают показанными нюансами, скорее всего, отрицательный накопительный эффект политики, по крайней мере, по структурным целям развития будет наиболее вероятен. Возникающий вследствие стимулирующих мер политики экономический рост будет осуществлять сформиро-

вавшаяся структура, и сказать, изменится ли она в процессе роста, весьма проблематично, поскольку не ясны основания такой трансформации только по причине роста.

Рисунок 3 демонстрирует перемещение труда и капитала из обрабатывающих в транзакционно-сырьевые секторы российской экономики вплоть до 2021 года.

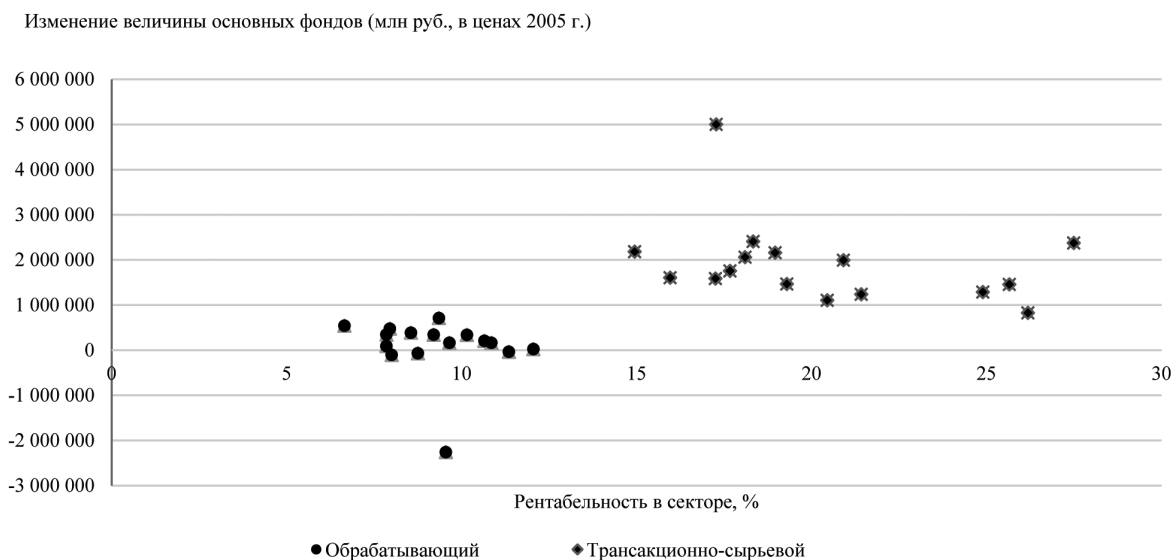
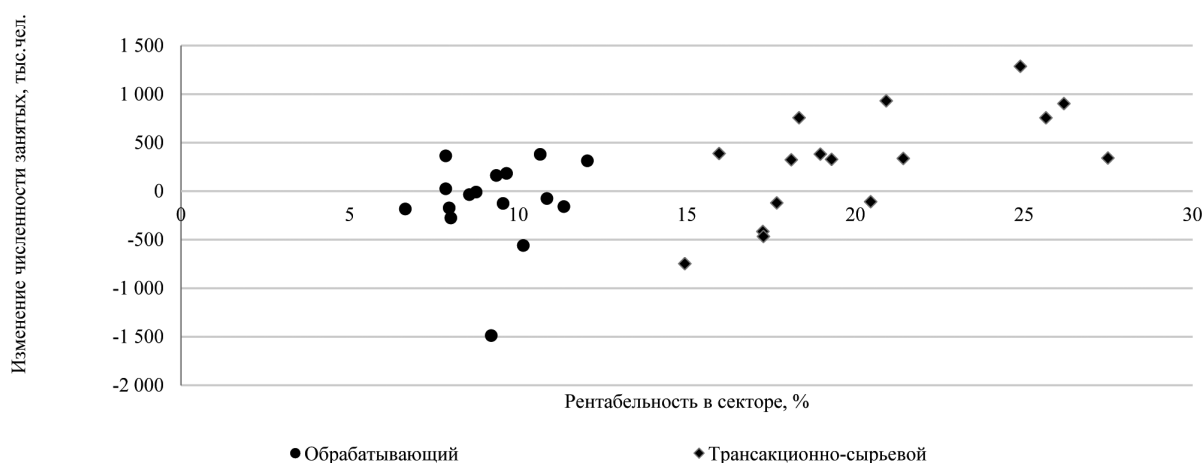
Как видим (рисунок 3), изменение величины основных фондов происходило в пользу транзакционных и сырьевых секторов<sup>10</sup>, а отток труда из обработки наблюдался в пользу этих же секторов на протяжении всего рассмотренного отрезка времени, только с разной интенсивностью (скоростью). Такое преимущественное развитие сервисной экономики не может дать больших темпов роста, особенно если сопровождается деградацией обработки и повышением импортной зависимости российской экономики, что и наблюдалось на рассматриваемом периоде времени, хотя после принятия программ замещения импорта в 2015 году эта зависимость понизилась, но не настолько значимо и не за счёт опережающего развития обрабатывающих секторов.

Таким образом, можно утверждать, что макроструктурные изменения не позволяли повысить чувствительность к стандартным методам макроэкономической политики тех целей, которые были актуальны для российской экономики — повышения темпа роста и качества модели роста. Структурной трансформации не наблюдалось, как и значимого повышения темпа роста, который был бы устойчивым. Эмпирические демонстрации подтверждают наличие отрицательного накопительного эффекта макроэкономической политики, проявляемого не только на уровне монетарного инструмента [2] или иных видов политики [11], но и экономической политики

<sup>10</sup> В состав обрабатывающего сектора входят виды деятельности: обрабатывающие производства; строительство. В состав транзакционно-сырьевого сектора входят виды деятельности: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировка и хранение; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность в области информации и связи; деятельность финансовая и страховая; деятельность по операциям с недвижимым имуществом; деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; образование; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; предоставление прочих видов услуг. В сумме оба агрегированных сектора по ОКВЭД дают валовую добавленную стоимость страны.

в целом, включая и отраслевые приложения. Тем самым наличие сложных обратных связей повышает требования к аналитическому обоснованию инструментов политики, их дифференциации в привязке к элементам экономики с учётом их реакции на воздействия, а также чувствительности всего набора релевантных целей хозяйственного развития. Принципа эффективной классификации явно недостаточно, поскольку важна сила инструмента, повторяемость его применения и другие обстоятель-

ства. Элиминировать отрицательный накопительный эффект можно за счёт модификации цели развития и аналитического обоснования применяемых инструментов, влияющих именно на данную цель. Ограничения числа инструментов также явно недостаточно, так как меньшим числом инструментов, если их сила и адекватность выше, можно достичь большего числа целей, хотя в современной макроэкономической политике, как сложилась практика её планирования и проведения, применя-



**Рис. 3.** Перемещение труда (вверху) и капитала (внизу) в ценах 2005 года между секторами в России, 2006–2021 гг.<sup>11</sup>

**Fig. 3.** Movement of labor (above) and capital (below) in 2005 prices between sectors in Russia, 2006–2021

<sup>11</sup> Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата. URL: [https://rosstat.gov.ru/labour\\_force](https://rosstat.gov.ru/labour_force), [https://rosstat.gov.ru/free\\_doc/new\\_site/finans/fin12\\_bd.htm](https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/finans/fin12_bd.htm), [https://rosstat.gov.ru/free\\_doc/new\\_site/business/osnfond/nal\\_ved2.htm](https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/osnfond/nal_ved2.htm).



ется весь имеющийся в арсенале правительства инструментарий, причём одновременно. Это повышает неопределённость результата и усложняет анализ уровня влияния тех или иных мер, оценку их результативности. Только такими подходами можно изменить чувствительность цели к инструментам. Замена инструмента выступает одним из важнейших способов, особенно, если цель перманентно и длительно не достигается при наличии явного отрицательного накопительного эффекта политики. Кроме этого, можно изменить парадигму проводимой экономической политики, что приводит к смене целого набора методов регулирования и подходов в области характера воздействий на цели развития, например, от неолиберальной модели политики перейти к политике организации и авансирования экономического роста. Либо от стереотипных подходов, приводящих к короткому росту до следующего кризиса за счёт выведенной ранее части дохода (фонд национального благосостояния, валютные резервы, государственный долг) осуществлять структурную трансформацию с привлечением ресурса, избыточно сосредоточенного в ряде секторов (сервисных). Изменение силы инструментов также возможно, но при соответствующем аналитическом обосновании, в частности более радикальное снижение процентных ставок за какой-то период либо ввод дифференцированных ставок, поощряющих перемещение ресурсов между экономическими секторами. Конечно, эти примеры не ограничивают возможности элиминирования отрицательного накопительного эффекта политики.

**Заключение.** Подводя итог проведенному анализу, отметим наиболее важные результаты.

Во-первых, ни «критика Лукаса» [13; 16], ни правило Тинбергена и его подтверждение в некоторых, кстати, весьма немногочисленных исследованиях [15; 17; 19], ни «эффективная рыночная классификация» Манделла [6–7], тем более, наличие технологических и структурных факторов и целей развития [8; 14] не позволяют получить адекватную модель связи целей развития и инструментов политики. Они избегают представлений о накопительном эффекте макроэкономической политики, что приводит к упрощению свя-

зи целей друг с другом, факторов влияния, а также инструментов воздействия между собой и с целями. Теряется важное свойство управления, что воздействие может распространяться по экономической структуре с разной силой, а это означает распределённое влияние каждого инструмента по хозяйственным элементам. При этом сила самого инструмента может изменяться. Особый интерес здесь вызывает ситуация, когда эта сила ослабевает относительно конкретной цели, то есть возникает накопительный отрицательный эффект политики, или возрастает по другой цели (положительный накопительный эффект политики).

Во-вторых, модель Манделла-Флеминга выступает рельефной демонстрацией наличия отрицательного и положительного накопительного эффекта для каждого инструмента политики — монетарного и фискального (бюджетно-налогового). В связи с тем, что условия модели на практике не соблюдаются, могут возникать иные ситуации сильного и слабого влияния того или иного инструмента. Ни одна теория экономической политики не умеет разделить влияние всего набора политических инструментов, чтобы дать точную оценку влияния.

В-третьих, в российской экономике, для которой экономической рост выступает базовой целью, макроэкономическая политика обнаруживает отрицательный накопительный эффект, так как не удаётся обеспечить устойчивый темп роста на протяжении значительного отрезка времени. При этом секторальная структура экономики, как доказывает анализ, а также технологические и инновационные характеристики остаются без изменений, что подтверждает наличие отрицательного накопительного эффекта проводимой одними и теми же методами макроэкономической политики.

Таким образом, чтобы выявлять эффекты проводимой макроэкономической политики, чтобы преодолевать негативные аспекты развития, в частности отрицательный накопительный эффект, требуется использовать эффективную рыночную классификацию как принцип привязки инструмента к цели. Чем точнее выполнена такая привязка, тем правдоподобнее оценка может быть осуществлена по указанному виду эффекта. Кроме этого, необходимо использовать «принцип

исправления», когда требуется рассмотреть альтернативы управления и новый механизм воздействия, который может обнаружить положительный накопительный эффект в течение относительно короткого времени, изменяя цели развития в требуемом направлении.

### Список источников

1. Анчишкин А.И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста. М.: Макс-Пресс, 2003. 300 с.

2. Глазьев С.Ю., Сухарев О.С., Афанасьева О.Н. Монетарная политика России: негативный накопительный эффект в рамках неоклассической модели и его преодоление // Микроэкономика. 2022. №2. С. 5–38.

3. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.

4. Кругман П. Депрессии — это нечто иное // Экономика для любознательных. О чём размышляют Нобелевские лауреаты. М.: Институт Гайдара, 2017. С. 24–35.

5. Лукас Р. Лекции по экономическому росту. М.: Издательство института Гайдара, 2013. 288 с.

6. Манделл Р. Выбор экономической политики для достижения внутреннего и внешнего равновесия // Этот изменчивый валютный курс. Сборник статей. М.: Дело, 2001. С. 155–164.

7. Манделл Р. Проблема кризисов // Евродитя Манделла? Теория оптимальных валютных зон. Сборник статей. М.: Дело, 2002. С. 117–126.

8. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011. 232 с.

9. Смит В. Переосмысление экономики: классическое понимание // Экономика для любознательных. О чём размышляют Нобелевские лауреаты. М.: Институт Гайдара, 2017. С. 40–53.

10. Сухарев О.С. Распределенное управление как расширение принципа «цели-инструменты» экономической политики // Управленческие науки. 2021. №11(1). С. 6–19.

11. Сухарев О.С. Выбор модели экономического роста: планирование развития при накопительном эффекте политики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегод-

ник. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием. Отв. редактор В.И. Герасимов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. С. 266–271.

12. Хэлпман Э. Загадка экономического роста. М. Издательство института Гайдара, 2011. 240 с.

13. Blanchard O. The Lucas Critique and Volcker Deflation // American Economic Review. 1984. Vol. 74(2), May. P. 211–215.

14. Gabardo F.A., Pereima J.B., Einloft P. The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal // *Economia*. 2017. Vol. 18. Issue 3. P. 392–410.

15. Hallett A., Acocella N., Di B. Policy games, policy neutrality and Tinbergen controllability under rational expectations // *Journal of Macroeconomics*. 2010. Vol. 32. Issue 1. P. 55–67.

16. Lucas R. Econometric policy evaluation a critique // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. 1976. Vol. 1. Issue 1. P. 19–46.

17. Peña R. Should monetary policy lean against the wind in a small-open economy? Revisiting the Tinbergen rule // *Latin American Journal of Central Banking*. 2021. Vol. 2. Issue 1. P. 100026.

17. Tinbergen J. The Duration of Development. *Journal of Evolutionary Economics*. 1995. Vol. 5(3). P. 333–339.

18. Tinbergen J. *Economic Policy: Principles and Design* North-Holland. 1956. 276 p.

### References

1. Anchishkin A.I. Prognozirovanie tempov i faktorov jekonomicheskogo rosta [Forecasting the rates and factors of economic growth]. Moscow: Maks-Press, 2003. 300 p. (In Russ.).

2. Glaz'ev S. Ju., Suharev O. S., Afanas'eva O. N. Monetarnaja politika Rossii: negativnyj nakopitel'nyj jeffekt v ramkah neoklassicheskoj modeli i ego preodolenie [Monetary policy of Russia: negative cumulative effect within the neoclassical model and its overcoming]. *Mikro-jekonomika* [Microeconomics]. 2022; (2): 5–38. (In Russ.).

3. Glaz'ev S. Ju. Ryvok v budushhee. Rossiya v novyh tehnologicheskom i mirohozjajstvennom ukladah [A leap into the future. Russia in new technological and world economic

structures]. Moscow: Knizhnyj mir, 2018. 768 p. (In Russ.).

4. Krugman P. Depressii — jeto nechto inoe [Depressions are something else]. Jekonomika dlja ljuboznatel'nyh. O chjom razmyshljajut Nobelevskie laureaty [Economics for the curious. What Nobel Laureates are thinking about]. Moscow: Institut Gajdara, 2017. P. 24–35. (In Russ.).

5. Lukas R. Lekcii po jekonomicheskomu rostu [Lectures on economic growth]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gajdara, 2013. 288 p. (In Russ.).

6. Mandell R. Vybor jekonomicheskoj politiki dlja dostizhenija vnutrennego i vneshnego ravnovesija [The choice of economic policy to achieve internal and external equilibrium]. Jetot izmenchivyy valjutnyj kurs. Sbornik statej [This volatile exchange rate. Collection of articles]. Moscow: Delo, 2001. P. 155–164. (In Russ.).

7. Mandell R. Problema krizisov [The problem of crises]. Evroditja Mandella? Teorija optimal'nyh valjutnyh zon. Sbornik statej [Eurodit Mandella? The theory of optimal currency zones. Collection of articles]. Moscow: Delo, 2002. P. 117–126. (In Russ.).

8. Peres K. Tehnologicheskie revoljucii i finansovyj kapital. Dinamika puzyrej i periodov procvetanija [Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and periods of prosperity]. Moscow: Delo, 2011. 232 p. (In Russ.).

9. Smit V. Pereosmyslenie jekonomiki: klassicheskoe ponimanie [Rethinking economics: Classical understanding]. Jekonomika dlja ljuboznatel'nyh. O chjom razmyshljajut Nobelevskie laureaty [Economics is for the curious. What the Nobel laureates are thinking about]. Moscow: Institut Gajdara, 2017. P. 40–53. (In Russ.).

10. Suharev O.S. Raspredeleloe upravlenie kak rasshirenie principa «celi-instrumenty» jekonomicheskoj politiki [Distributed management as an extension of the principle of «goals-tools» of economic policy]. *Upravlencheskie nauki [Managerial Sciences]*. 2021; 11(1): 6–19. (In Russ.).

11. Suharev O.S. Vybor modeli jekonomicheskogo rosta: planirovanie razvitija pri nakopitel'nom jeffekte politiki [Choosing a model of economic growth: development planning with the cumulative effect of policy]. Rossiya: tendencii i perspektivy razvitija. Ezhegodnik. Materialy XXI Nacional'noj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Otv. redaktor V.I. Gerasimov [Russia: trends and prospects of development. Yearbook. Materials of the XXI National Scientific Conference with international participation. In V.I. Gerasimov (eds.)]. Moscow: Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN, 2022. P. 266–271. (In Russ.).

12. Hjelpman Je. Zagadka jekonomicheskogo rosta [The Riddle of economic growth]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gajdara, 2011. 240 p. (In Russ.).

13. Blanchard O. The Lucas Critique and Volcker Deflation // *American Economic Review*. 1984. Vol. 74(2), May. P. 211–215.

14. Gabardo F.A., Pereima J.B., Einloft P. The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal // *Economia*. 2017. Vol. 18. Issue 3. P. 392–410.

15. Hallett A., Acocella N., Di B. Policy games, policy neutrality and Tinbergen controllability under rational expectations // *Journal of Macroeconomics*. 2010. Vol. 32. Issue 1. P. 55–67.

16. Lucas R. Econometric policy evaluation a critique // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. 1976. Vol. 1. Issue 1. P. 19–46.

17. Peña R. Should monetary policy lean against the wind in a small-open economy? Revisiting the Tinbergen rule // *Latin American Journal of Central Banking*. 2021. Vol. 2. Issue 1. P. 100026.

17. Tinbergen J. The Duration of Development. *Journal of Evolutionary Economics*. 1995. Vol. 5(3). P. 333–339.

18. Tinbergen J. *Economic Policy: Principles and Design* Nortn-Holland. 1956. 276 p.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 22.12.2022; принята к публикации 25.12.2022.

The article was submitted on 12.12.2022; approved after reviewing on 22.12.2022; accepted for publication on 25.12.2022.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ



**Сухарев Олег Сергеевич** — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук.

Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

**Oleg S. Sukharev** — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovskiy ln., Moscow, Russia

---

---